

Леонид Пантелеев

Платочек

Недавно я познакомился в поезде с одним очень милым и хорошим человеком. Ехал я из Красноярска в Москву, и вот ночью на какой-то маленькой, глухой станции в купе, где до тех пор никого, кроме меня, не было, вваливается огромный краснолицый дядя в широченной медвежьей дохе, в белых бурках и в пыжиковой долгоухой шапке.

Я уже засыпал, когда он ввалился. Но тут, как он загромыхал на весь вагон своими чемоданами и корзинами, я сразу очнулся, приоткрыл глаза и, помню, даже испугался.

«Батюшки! – думаю. – Это что же еще за медведь такой на мою голову свалился?!»

А великан этот не спеша разложил по полочкам свои пожитки и стал раздеваться.

Снял шапку, вижу – голова у него совсем белая, седая.

Скинул доху – под дохой военная гимнастерка без погон, и на ней не в один и не в два, а в целых четыре ряда орденские ленточки.

Я думаю:

«Ого! А медведь-то, оказывается, действительно бывалый!»

И уже смотрю на него с уважением. Глаз, правда, не открыл, а так – сделал щелочки и наблюдаю осторожно.

А он сел в уголок у окошка, попыхтел, отдышался, потом расстегивает на гимнастерке кармашек и, вижу, достает маленький-премаленький носовой платочек. Обыкновенный платочек, какие молоденькие девушки в сумочках носят.

Я, помню, уже и тогда удивился. Думаю:

«Зачем же ему этакий платочек? Ведь такому дяде такого платочка небось и на полноса не хватит?!»

Но он с этим платком ничего не стал делать, а только разгладил его на коленке, скатал в трубочку и в другой карман переложил. Потом посидел, подумал и стал стягивать бурки.

Мне это было неинтересно, и скоро я уже по-настоящему, а не притворно заснул.

Ну, а наутро мы с ним познакомились, разговорились: кто, да куда, да по каким делам едем... Через полчаса я уже знал, что попутчик мой – бывший танкист, полковник, всю войну воевал, восемь или девять раз ранен был, два раза контужен, тонул, из горящего танка спасался...

Ехал полковник в тот раз из командировки в Казань, где он тогда работал и где у него семейство находилось. Домой он очень спешил, волновался, то и дело выходил в

коридор и справлялся у проводника, не опаздывает ли поезд и много ли еще остановок до пересадки.

Я, помню, поинтересовался, велика ли у него семья.

– Да как вам сказать... Не очень, пожалуй, велика. В общем ты, да я, да мы с тобой.

– Это сколько же выходит?

– Четверо, кажется.

– Нет, – я говорю. – Насколько я понимаю, это не четверо, а всего двое.

– Ну что ж, – смеется. – Если угадали – ничего не поделаешь. Действительно двое.

Сказал это и, вижу, расстегивает на гимнастерке кармашек, сует туда два пальца и опять тянет на свет божий свой маленький, девичий платок.

Мне смешно стало, я не выдержал и говорю:

– Простите, полковник, что это у вас такой платочек – дамский?

Он даже как будто обиделся.

– Позвольте, – говорит. – Это почему же вы решили, что он дамский?

Я говорю:

– Маленький.

– Ах, вот как? Маленький?

Сложил платочек, подержал его на своей богатырской ладошке и говорит:

– А вы знаете, между прочим, какой это платочек?

Я говорю:

– Нет, не знаю.

– В том-то и дело. А ведь платочек этот, если желаете знать, не простой.

– А какой же он? – я говорю. – Заколдованный, что ли?

– Ну, заколдованный не заколдованный, а вроде этого... В общем, если желаете, могу рассказать.

Я говорю:

– Пожалуйста. Очень интересно.

– Насчет интересности поручиться не могу, а только лично для меня эта история имеет значение преогромное. Одним словом, если делать нечего – слушайте. Начинать надо издалека. Дело было в тысяча девятьсот сорок третьем году, в самом конце его, перед новогодними праздниками. Был я тогда майор и командовал танковым полком. Наша часть стояла под Ленинградом. Вы не были в Питере в эти годы? Ах, были, оказывается? Ну, вам тогда не нужно объяснять, что представлял собой Ленинград в это время. Холодно, голодно, на улицах бомбы и снаряды падают. А в городе между тем живут, работают, учатся...

И вот в эти самые дни наша часть взяла шефство над одним из ленинградских детских домов.

В этом доме воспитывались сироты, отцы и матери которых погибли или на фронте, или от голода в самом городе. Как они там жили, рассказывать не надо. Паечек усиленный, конечно, по сравнению с другими, а все-таки, сами понимаете, ребята сытые спать не ложились. Ну, а мы были народ зажиточный, снабжались по-фронтовому, денег не тратили, – мы этим ребятам кое-чего подкинули. Уделили им из пайка своего сахару, жиров, консервов... Купили и подарили детдому двух коров, лошадку с упряжкой, свинью с поросятами, птицы всякой: курей, петухов, ну, и всего прочего – одежды, игрушек, музыкальных инструментов... Между прочим, помню, сто двадцать пять пар детских салазок им преподнесли: пожалуйста, дескать, катайтесь, детки, на страх врагам!..

А под Новый год устроили ребятам елку. Конечно, уж и тут постарались: раздобыли елочку, как говорится, выше потолка. Одних елочных игрушек восемь ящиков доставили.

А первого января, в самый праздник, отправились к своим подшефным в гости. Прихватили подарков и поехали на двух «виллисах» делегацией к ним на Кировские острова.

Встретили нас – чуть с ног не сбили. Всем табором во двор высыпали, смеются, «уру» кричат, обниматься лезут...

Мы им каждому личный подарок привезли. Но и они тоже, вы знаете, в долгу перед нами оставаться не хотят. Тоже приготовили каждому из нас сюрприз. Одному кисет вышитый, другому рисуночек какой-нибудь, записную книжку, блокнот, флажок с серпом и молоточком...

А ко мне подбегает на быстрых ножках маленькая белобрысенькая девчоночка, краснеет как маков цвет, испуганно смотрит на мою грандиозную фигуру и говорит:

«Поздравляю вас, дяденька военный. Вот вам, – говорит, – от меня подарочек».

И протягивает ручку, а в ручонке у нее маленький беленький пакетик, перевязанный зеленой шерстяной ниткой.

Я хотел взять подарок, а она еще больше покраснела и говорит:

«Только вы знаете что? Вы этот пакетик, пожалуйста, сейчас не развязывайте. А вы его, знаете, когда развяжите?»

Я говорю:

«Когда?»

«А тогда, когда вы Берлин возьмете».

Видали?! Время-то, я говорю, сорок четвертый год, самое начало его, немцы еще в Детском Селе и под Пулковом сидят, на улицах шрапнельные снаряды падают, в детдоме

у них накануне как раз кухарку осколком ранило... А уж девица эта, видите ли, о Берлине думает. И ведь уверена была, пигалица, ни одной минуты не сомневалась, что рано или поздно наши в Берлине будут. Как же тут было, в самом деле, не расстараться и не взять этот проклятый Берлин?!

Я ее тогда на колени посадил, поцеловал и говорю:

«Хорошо, дочка. Обещаю тебе, что и в Берлине побываю, и фашистов разобью, и что раньше этого часа подарка твоего не открою».

И что вы думаете – ведь сдержал свое слово.

– Неужели и в Берлине побывали?

– И в Берлине, представьте, привелось побывать. А главное ведь, что я действительно до самого Берлина не открыл этого пакетика. Полтора года с собой его носил. Тонул вместе с ним. В танке два раза горел. В госпиталях лежал. Три или четыре гимнастерки сменил за это время. А пакетик все со мной

– неприкосновенный. Конечно, иногда любопытно было посмотреть, что там лежит. Но ничего не поделаешь, слово дал, а солдатское слово – крепкое.

Ну, долго ли, коротко ли, а вот наконец мы и в Берлине. Отвоевали. Сломали последний вражеский рубеж. Ворвались в город. Идем по улицам.

Я – впереди, на головном танке иду.

И вот, помню, стоит у ворот, у разбитого дома, немка. Молоденькая еще. Худенькая. Бледная. Держит за руку девочку.

Обстановка в Берлине, прямо скажу, не для детского возраста. Вокруг пожары, кое-где еще снаряды ложатся, пулеметы стучат. А девчонка, представьте, стоит, смотрит во все глаза, улыбается... Как же! Ей небось интересно: чужие дяди на машинах едут, новые, незнакомые песни поют...

И вот уж не знаю чем, а напомнила мне вдруг эта маленькая белобрысая немочка мою ленинградскую детдомовскую приятельницу.

И я о пакетике вспомнил.

«Ну, думаю, теперь можно. Задание выполнил. Фашистов разбил. Берлин взял. Имею полное право посмотреть, что там...»

Лезу в карман, в гимнастерку, вытаскиваю пакет. Конечно, уж от его бывшего великолепия и следов не осталось. Весь он смялся, изодрался, прокоптел, порохом пропах...

Развертываю пакетик, а там... Да там, откровенно говоря, ничего особенного и нет. Лежит там просто платочек. Обыкновенный носовой платочек с красной и зеленой

каемочкой. Гарусом, что ли, обвязан. Или еще чем-нибудь. Я не знаю, не специалист в этих делах. Одним словом, вот этот самый дамский, как вы его обозвали, платочек.

И полковник еще раз вытащил из кармана и разгладил на колене свой маленький, подрубленный в красную и зеленую елочку платок.

На этот раз я совсем другими глазами смотрел на него.

Ведь и в самом деле, это был платочек непростой.

Я даже пальцем его осторожно потрогал.

– Да, – продолжал, улыбаясь, полковник. – Вот эта самая тряпочка лежала, завернутая в тетрадную клетчатую бумагу. И к ней булавкой пришпилена записка. А на записке огромными корявыми буквами с невероятными ошибками нацарапано:

«С Новым годом, дорогой дяденька боец! С новым счастьем! Дарю тебе на память платочек. Когда будешь в Берлине, помаши мне им, пожалуйста. А я, когда узнаю, что наши Берлин взяли, тоже выгляжу в окошечко и вам ручкой помашу. Этот платочек мне мама подарила, когда живая была. Я в него только один раз сморкалась, но вы не стесняйтесь, я его выстирала. Желаю тебе здоровья! Ура!!! Вперед! На Берлин! Лида Гаврилова».

Ну вот... Скрывать не буду – заплакал я. С детства не плакал, понятия не имел, что за штука такая слезы, жену и дочку за годы войны потерял, и то слез не было, а тут – на тебе, пожалуйста! – победитель, в поверженную столицу врага въезжаю, а слезы окаянные так по щекам и бегут. Нервы это, конечно... Все-таки ведь победа сама в руки не далась. Пришлось поработать, прежде чем наши танки по берлинским улочкам и переулочкам прогромыхали...

Через два часа я у рейхстага был. Наши люди уже водрузили к этому времени над его развалинами красное советское знамя.

Конечно, и я поднялся на крышу.

Вид оттуда, надо сказать, страшноватый. Повсюду огонь, дым, еще стрельба кое-где идет. А у людей лица счастливые, праздничные, люди обнимаются, целуются...

И тут, на крыше рейхстага, я вспомнил Лидочкин наказ.

«Нет, думаю, как хочешь, а обязательно надо это сделать, если она просила».

Спрашиваю у какого-то молоденького офицера:

– Послушай, – говорю, – лейтенант, где тут у нас восток будет?

– А кто его, – говорит, – знает. Тут правую руку от левой не отличишь, а не то что...

На счастье, у кого-то из наших часы оказались с компасом. Он мне показал, где восток. И я повернулся в эту сторону и несколько раз помахал туда белым платочком. И представилось мне, вы знаете, что далеко-далеко от Берлина, на берегу Невы, стоит сейчас

маленькая девочка Лида и тоже машет мне своей худенькой ручкой и тоже радуется нашей великой победе и отвоеванному нами миру...

Полковник расправил на колене платок, улыбнулся и сказал:

– Вот. А вы говорите – дамский. Нет, это вы напрасно. Платочек этот очень дорог моему солдатскому сердцу. Вот поэтому я его с собою и таскаю, как талисман...

Я чистосердечно извинился перед своим спутником и спросил, не знает ли он, где теперь эта девочка Лида и что с нею.

– Лида-то, вы говорите, где сейчас? Да. Знаю немножко. Живет в городе Казани. На Кировской улице. Учится в восьмом классе. Отличница. Комсомолка. В настоящее время, надо надеяться, ждет своего отца.

– Как! Разве у нее отец нашелся?

– Да. Нашелся какой-то...

– Что значит «какой-то»? Позвольте, где же он сейчас?

– Да вот – сидит перед вами. Удивляетесь? Ничего удивительного нет. Летом сорок пятого года я удочерил Лиду. И нисколько, вы знаете, не раскаиваюсь. Дочка у меня славная...